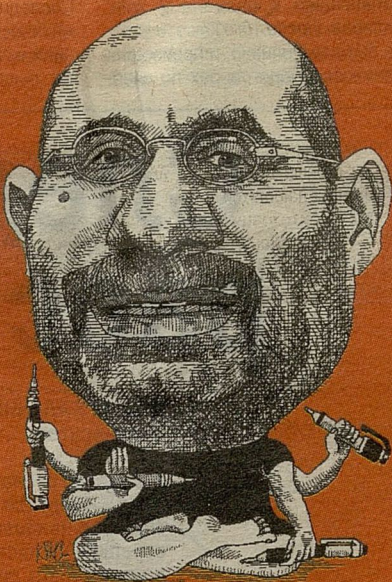

Гуттаперчевый мальчик

Проект Бориса Акунина «Жанры», о неотвратимости которого так долго вещали СМИ, стартовал. В продаже «Детская книга», 11 февраля выйдет «Шпионский роман», 18-го – «Фантастика». На очереди «Семейная сага», «Производственный роман», «Исторический роман», «Триллер», «Женский роман»... Всего задумано пятнадцать произведений, блюдущих чистоту конкретного жанра. Три февральские премьеры выпускаются в разных издательствах («Олма-Пресс», «АСТ» и «Захаров», соответственно), по такому сенсационному случаю создавших координационный штаб. Приятно, что хотя бы Акунину удалось собрать этих монстров, как левреток на сворку...

2005. 8 Ред. Курьер
февр - с 1, Окончание на стр. 12

Культура

Окончание. Начало на стр. 1

Внешне книги оформлены абсолютно одинаково, только бабочки на обложках разного цвета. Пока прилетела первая, оранжевая (странно, что не из Киева), ждем синюю и красную. Относительно бабочек см. анонс: «... это попытка создания своеобразного инсектариума жанровой литературы, каждый из пестрых видов и подвигов которой будет представлен одним классическим экземпляром». Слово «инсектариум» (особенно на «Детской книге») давит из гляделок умильную слезу. Очевидно, что мы любим Акунина просто так, без всякого принуждения. Согласитесь, более идиотский рекламный слоган нельзя и представить.

А ежели тут намеки на Набокова, то опять-таки не очень удачный. У выдающегося энтомолога была, по-моему, только одна детская книга — «Лолита».

На образчик жанра надо, по всей видимости, сочинять образчик рецензии. Знаете, в сборках ОБИРах и прочих серьезных учреждениях под стеклом лежат каллиграфически заполненные бланки: «Я, Иванов Иван Иванович, 1956 г.р., паспорт 1234 № 123456, прописанный: Малая Грузинская, д.7, кв. 89, жена — Иванова Мария Ивановна, сын — Иванов Петр Иванович» и т.д. А сверху крупными буквами: ОБРАЗЕЦ. Не секрет, что если пойти по указанному адресу, Иванова И.И. там не обнаружится, что Иванов И.И., пятьдесят шестого года рождения, счастливый отец семейства — фантом, порожденный небогатым воображением местных клерков. Но всякий раз, когда мы автоматически списываем текст с образца, поганя чистые бланки, фантом этот обретает плоть и кровь. Нашу плоть и нашу кровь.

Образцовость — противоестественное, а значит, неживое качество. Настолько же неживое, как усыпленные эфиром, засушенные бабочки. Если Акунин решил сделать образцовым автором, значит ли это, что нам следует ожидать от него 15 дохлых книг?

Как среди актеров есть индивидуумы, которые прекрасно пародируют других, не имея сколько-нибудь заметного лица и голоса, так и в литературе существует особое племя талантливых стилизаторов. К примеру, ужасно интересно читать «Голубое сало» Владимира Сорокина с генетически модифицированными имитациями Толстого, Достоевского, Ахматовой, и со-

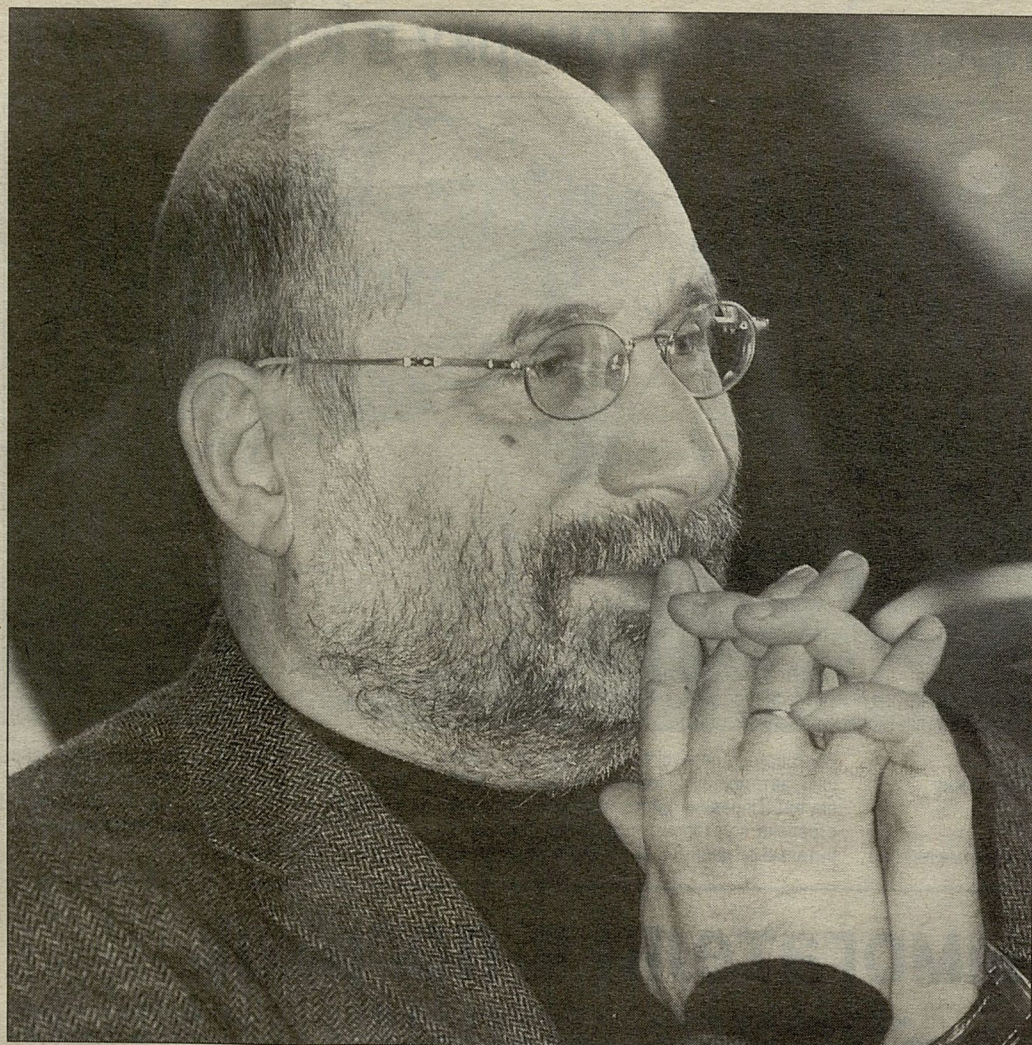
всем неинтересно «Путь Бро», где Сорокин — это всего лишь Сорокин. Детский лепет на лужайке. Или, точнее, детская неожиданность.

Акунин начал стилизаторские игры с тех пор, как стал Акуниным. Кстати, инициал на обложке окончательно сменился полным именем. Сказавши «а», не будь «б»: вместо Б. АКУНИНА, отца русского анархизма, явился Борис. Канули времена, когда мы, очарованные «Азazelем» и «Турецким гамбитом», искали разгадку псевдонима, и первый акунинский издатель, Игорь Захаров устраивал избранным журналистам личную встречу с Григорием Шалвовичем Чхатишвили, заместителем главного редактора «Иностранки». Псевдоним давно раскрыт и вроде бы потерял смысл, однако «Акунин» сегодня — это не фамилия. Это бренд.

В первых детективах про Эраста Фандорина публику приятно изумляла тугая пружина детективной интриги, а более того — амбре хорошего русского языка, отсылавшее сразу ко стольким классикам, что проще сказать, кому Акунин НЕ подражал. Со временем обман прошел, очарование спало: все-таки трудно общаться с тем, кто разговаривает одними цитатами. Пародисты не бывают властителями дум.

Уже тогда Акунин задался целью выйти на рынок криминального чтения не просто так, но со строгой классификационной таблицей в руках. Плутовской детектив, великосветский, мистический, политический, уголовный, декадентский, этнографический и даже недетективный детектив... «Я сторонник планового хозяйства», — объяснял мне господин Чхатишвили в давнем интервью. — Написать один детектив неинтересно. Интересно реализовать проект». Он проектировщик, это многое объясняет.

Копировать не отдельного автора, но целые жанры, идея, спору нет, оригинальная. Хотя, если вдуматься, дикость какая-то — садиться за письменный стол с целью копирования. Причем не стебного, как у постмодернистов, а буквального. Акунин точно знает, из какого сорта растут его произведения. «Детская книга» — само собой, из «Гарри Поттера». Гарри Поттер, Тая Гроттер, Эраст Фандоттер. Только вместо очков — зубные брекеты. Помимо основного источника, прямо или косвенно задействованы братья Стругацкие, «Старик Хоттабыч», «Баранкин, будь человеком!», «Гуттаперчевый мальчик»,

Образцовость —
противо-
естественное,
а значит,
неживое
качество.
Настолько
же неживое,
как усыпленные
эфиром,
засушенные
бабочки.
Если Акунин
решил сделаться
образцовым
автором, значит
ли это, что нам
следует ожидать
от него
15 дохлых книг?

Гуттаперчевый

«Черная курица, или Подземные жители», мультфильм «Вовка в Тридевятом царстве», романы Валентина Пикуля, кинокартина Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», пушкинский «Борис Годунов» и недавний бестселлер «Код да Винчи». Только у Дэна Брауна искали Чашу Грааля, а у Бориса Акунина — Райское Яблоко. Которое, оказывается, было алмазным. Представляю, как орала Ева, когда у нее челюсть хрустнула. За это, наверное, и из Эдема поперли: кому нужны буйные постояльцы? А мы еще удивляемся, что у евреев

древнейшая профессия — стоматолог. Или все-таки ювелир?..

Фандорины (Фон Дорны, Ван Дорны, просто Дорны) размножаются почкованием. Эрасты Фандорины — клонированием. Взяли клочок от старшего, получили правнука, такого же черненького, кудрявенького, умного, смелого и простодушного. Только десяти лет от роду и с кривыми зубами. Таким образом, секту «эрастманов» должны пополнить тинейджеры. В чем я, однако, сомневаюсь. «ДК» — познавательное. Образцовая

книга для образцового ребенка. Чем занимались крестоносцы, почему «карат» изначально назывался «киратом», что такое полумперал, как разворачивалась Пекинская военная кампания (о которой я, честно говоря, до сего момента слыхом не слыхивала)... Множество исторических фактов и устаревших терминов комментируется и разъясняется, но все-таки пацанве, берущейся за «ДК», лучше заранее выяснить значение слов «тонзура», «копейщик», «гаолян» и «тинник». «Детская книга» — источник знаний. Занимательная история

для средних и старших классов. 550 страниц, насыщенных информацией. В наше время редкий ребенок долетел бы до середины, а теперь — кто знает...

«ДК» красочно проиллюстрирована. Правда, у большинства персонажей на картинках проблемы с ногами: у кого две правые, у кого две левые, у кого вообще лошадиные копыта, а Дмитрий Самозванец страдает такой запущенной формой сколиоза, которая не снилась Квазимодо...

Книга делится на пять частей. «Сегодня»: Эраст (по-школьному

Ластик) Фандорин встречается со своим очень дальним, крайне загадочным родственником, узнает фамильную тайну и готовится стать миссионером в прошлое. «Вчера»: Ластик проникает в так называемую хронодыру на Солянке и, пытаясь завладеть алмазом, подрабатывает в цирке 1914 года. «Позавчера» занимает львиную долю книги: новая хронодыра, Ластик при дворе Лжедмитрия Первого, который на самом деле — Юрка Отрепьев, чудак из 5 «Б», провалившийся в древнюю монастырскую келью во время экскурсии по Киевской лавре еще в 1967 году. Со своими продвинутыми взглядами пионер Юрка обречен строить на Руси демократическое общество; мафиози Шуйский плетет интригу против молодого царя; гордая полячка Марина Мнишек оказывается не «классной девчонкой», а дешевой предательницей; зато Ластик успешно овладевает старорусским языком, всеми этими «вельми понеже», «житие мое», «паки, паки, иже херувимы»...

«Завтра», куда угодил Ластик, спасаясь от кровавой кремлевской резни, трудно назвать временем, потому что время там больше не движется, людей — в нашем понимании — нет, а бывшие мегаполисы, Москва, например, сохраняются как артефакты, с которых время от времени сдувают пыль. Тут «ДК», и без того вполне натуралистичная, переходит всякие детские границы, ибо неведомое стерильное существо диагностирует у Ластика педикулез, бациллы брюшного тифа, герпес и еще что-то в этом духе. Странно, что от своей подружки, дочери Шуйского, мальчик не подхватил к тому же хламидиоз или, упаси Господи, сифилис (бытовым путем, разумеется)... «Завтра» — на редкость скучная часть, скучнее только возвращение в

жанра, бессмысленно. «Детская книга» Акунина — это и фантастика, и шпионский роман (кто такой Ластик, если не засланный казачок?), и семейная сага, как все, написанное о Фандориных, и исторический роман — в первую очередь. Более того, чувствуется явная переключка с «Кладбищенскими историями» — путь в Смутные времена лежит для Ластика через могилу на Донском погосте. В пользу «ДК» можно сказать, что она значительно доступнее «Кладбищенских историй» по цене и при этом гораздо объемнее: щедро разверстаные «Истории» тянули в лучшем случае на журнальную публикацию...

Читать «ДК» взрослому человеку неинтересно. Но я и «Гарри Поттера» нипочем бы не одолела. Это Драгунский на все времена, а приключения по заданной схеме — на любителя. Когда говорят, что Акунин в вечности не останется (а говорят это, как правило, его коллеги, которым вечность тоже не грозит), подразумевается, что в его блестящих, виртуозных схемах нет ни капельки души. Борис Акунин не Мефистофель, он Фауст. Современный, в меру циничный Фауст, который холодно интересуется: «А зачем вам, собственно, моя душа?» — и Мефистофель отступает, обескураженный.

Зато мне очень нравится, как Акунин мифологизирует Москву. Не хуже Булгакова. Город убитый, город, потерявший историческое лицо, где дома предназначены, только чтобы в них жить, а любая улица — это просто асфальт, по которому можно ездить на машине (если повезет, то быстро), воскресает в книгах Акунина вообще, и в «ДК» в частности. Так и хочется заглянуть в потайные углы: не имеется ли там хроноотверстия средних размеров? Хотя бы 90–60–90? Представляю,

мальчик

«Сегодня», когда выясняется, что Ластик зря промотался между временами и миссию свою не выполнил. А что вы хотите? У него ведь и прозвище соответственное. Ластиком только стирать можно, а новое создавать нельзя.

Роль Эраста Петровича Фандорина в «ДК» трудно назвать даже эпизодической. Стукнулся к нему правнук в 1914-м, но предка не застал. Как говорят соплеменники Григория Чхартишвили (по отцу), «я заходил к вас, но квас не было дома»... Обсуждать, в действительности ли чиста пресловутая чистота

сколько у нас бомжей и кошек по разным эпохам путешествует...

Борис Акунин — гуттаперчевый мальчик нашей литературы. Уже семь лет он демонстрирует нам свое главное качество — гибкость, то есть способность гнуться в разные стороны с одинаковым успехом. Акуниным, как резинкой, пардон, как мощным ластиком, во многом стерли современную российскую словесность. Но печалиться не о чем. Все равно несгибаемые стиранию не подлежат.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ